

В просторной гостиной виллы царил минимализм.

На книжных полках выстроились учебники китайской литературы и специализированные издания.

Центр помещения занимала боксёрская груша, возле которой с обнажённым торсом мужчина в перчатках рассекал воздух яростными ударами.

Бледная кожа облежала точёные мышцы, играющие при каждом движении. Хрустальные капли пота скользили по мраморным контурам тела, наполняя пространство мощным ароматом мужского гормона. Каждый удар, жёсткий и безжалостный, отдавался глухим эхом в стенах комнаты.

Через полчаса Цзи Аньчэ стянул перчатки и промокнул полотенцем взмокший лоб, небрежно перекинув его через подвесную вешалку.

Бойлер тихо булькал, выпуская клубы пара.

Цзи Аньчэ высыпал сушёные ягоды годжи в чёрный термос и наполнил его горячей водой, заваривая целебный напиток.

Послеполуденное солнце лилось сквозь оконные рамы, окрашивая комнату в тёплые оранжевые тона, создавая атмосферу безмятежности.

Растянувшись в мягком кресле-качалке, Цзи Аньчэ наугад взял со стола книгу, чтобы расслабиться. Он работал преподавателем университетской литературы, а эту новеллу недавно конфисковал у студента. Книга в чёрной обложке была озаглавлена каллиграфическим почерком: «Глубокая школьная любовь и насилие: Если я люблю тебя, я разрушу тебя».

— Какое претенциозное название, — пробормотал он.

От скуки Цзи Аньчэ наугад открыл книгу и начал читать.

Главного героя звали Гу Ханьчжоу.

История начиналась с того, как главный герой становится свидетелем издевательств школьного тирана над одноклассником. Примечательно, что жертву звали Цзи Аньчэ — так же, как и самого читателя.

Гу Ханьчжоу сообщил об инциденте заведующему учебной частью, предотвратив дальнейшие издевательства.

Но это случайное благородство стало началом его собственной трагедии. Спасая «Цзи Аньчэ» от школьного тирана, сам Гу Ханьчжоу превратился в мишень.

Тиран приказал своим прихвостням избить главного героя, используя своё влияние для его угнетения. Однако какими бы жестокими ни были методы, Гу Ханьчжоу не сломался. Его стойкость лишь разжигала извращённое желание тирана причинять ему всё более изощрённые страдания.

Больше всего Цзи Аньчэ возмутило, что литературный «Цзи Аньчэ», которого спас главный герой, ответил на добро чёрной неблагодарностью. Чтобы избежать травли со стороны тирана, он сам начал унижать своего спасителя.

Ведь Гу Ханьчжоу навлёк на себя все эти беды именно из-за попытки защитить «Цзи Аньчэ». А теперь человек, которому он помог, присоединился к его мучителям — какая горькая ирония.

Видя, как персонаж с его собственным именем совершает такой отвратительный поступок, Цзи Аньчэ сжал кулаки от ярости.

Он отхлебнул целебный отвар из годжи, мысленно повторяя: «Не злись, гнев вредит печени».

Подавив раздражение, Цзи Аньчэ продолжил чтение.

Школьный тиран унизил Гу Ханьчжоу в спортзале, заставив его встать на колени и лаять, как собака, а затем распространил видеозапись среди учеников.

В итоге Гу Ханьчжоу стал изгоем среди всех учащихся.

Тиран подбросил ценную вещь в рюкзак Гу Ханьчжоу, обвинив его в краже. Перед лицом абсолютной власти тирана, Гу Ханьчжоу не мог защититься.

Гу Ханьчжоу отправили в исправительное учреждение для несовершеннолетних, а в его личном деле навсегда осталось пятно, которое невозможно стереть.

Для тирана, находящегося на вершине иерархии, Гу Ханьчжоу был всего лишь игрушкой для развлечения в минуты скуки. Но его «игры» разрушили чужую судьбу.

— Что за... — вырвалось у Цзи Аньчэ, — кто вообще придумал такой idiotский сюжет?

Несмотря на все перенесённые страдания, Гу Ханьчжоу оставался добрым человеком.

Холодной зимой он помог потерявшему сознание от высокой температуры мужчине, лежащему на обочине дороги.

Незнакомец влюбился в Гу Ханьчжоу с первого взгляда. Он вытащил юношу из исправительного учреждения, но одновременно столкнул его в ещё более глубокую бездну.

Если школьный тиран издевался над телом Гу Ханьчжоу, то этот мужчина оказался настоящим психопатом, специализирующимся на разрушении психологических барьеров.

Мужчина маниакально любил Гу Ханьчжоу, поэтому стремился уничтожить его, сделать полностью зависимым. Под маской любви он ломал гордость Гу Ханьчжоу, разрушал его образование и семейные связи, подрезал крылья, превращая в безвольную канарейку в золотой клетке, неспособную существовать без своего хозяина.

Во время выпускных экзаменов, когда с почти семьюстами баллами Гу Ханьчжоу мог поступить в лучший университет, его заперли дома и сломали правую руку. Сложный перелом лишил его возможности держать ручку и сдавать экзамены. Упущена единственная возможность изменить свою судьбу.

— Твою мать, — выругался Цзи Аньчэ.

Как преподаватель, посвятивший жизнь образованию, он не выносил, когда кто-то разрушал перспективное будущее студентов.

Пропустить итоговые экзамены, лишить человека будущего — для Цзи Аньчэ это было непростительно.

Его тошнило.

Сюжет вызывал омерзение.

Никогда в жизни Цзи Аньчэ не чувствовал такого отвращения.

«Какое животное так мыслит? У него мозги заменены пеплом?»

Любовь равносильна разрушению?! Тогда почему бы этому типу для начала не разрушить себя самого?!

Цзи Аньчэ глубоко вдохнул и продолжил листать книгу.

Даже пропустив экзамены, Гу Ханьчжоу не сдавался. Подобно самому стойкому нефриту, ничто не могло его сломить, все испытания лишь закаляли его характер, делая ещё несокрушимее.

Гу Ханьчжоу начал готовиться к повторной сдаче экзаменов.

Чтобы окончательно сломить Гу Ханьчжоу, психопат не остановился даже перед введением ему нового вида наркотика с сильнейшим привыканием и разрушительным воздействием на организм. Стоило попробовать раз — и отказаться уже невозможно.

И после всех этих унижений главный герой каким-то образом великодушно простил своих мучителей?! Бред какой-то!

Цзи Аньчэ почувствовал, что его бедное сердце не выдерживает такого напряжения.

Глубоко вдохнув, он перелистнул сразу к концу романа.

«Из-за сильной аллергической реакции на наркотик, Гу Ханьчжоу тихо скончался снежной ночью.

До самого конца Гу Ханьчжоу так и не успел сдать итоговые экзамены.

Его яркая жизнь не успела начаться, прежде чем погасла навсегда».

Прочитав концовку, Цзи Аньчэ почувствовал, что задыхается, на грани сердечного приступа.

Он поднялся со скамьи, намереваясь спуститься и выплеснуть гнев на боксёрской груше.

Если не выпустить пар, он просто взорвётся от ярости.

Добравшись до лестницы, Цзи Аньчэ был настолько взбешён, что не заметил, куда ступает.

Промахнувшись, он рухнул с пятиметровой высоты.

Глухой удар сопровождался вспышкой острой боли в голове, затем мир погрузился во тьму.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Цзи Аньчэ смутно открыл глаза.

Пространство вокруг кружилось с головокружительной скоростью.

«Почему после пробуждения я продолжаю падать?!»

Внезапно его лоб столкнулся с чем-то твёрдым, но слегка упругим.

— Ох, больно! — мысленно воскликнул он.

Похоже, лоб пробил дыру.

Цзи Аньчэ с трудом открыл глаза и увидел перед собой чёрные школьные брюки, а подняв взгляд — юношу в бело-голубой школьной форме.

Из своего положения Цзи Аньчэ мог разглядеть только бледную кожу и чёткую линию подбородка подростка.

Висок пульсировал болью. Видимо, он ударился о тазовую кость парня, неудивительно, что так больно.

Цзи Аньчэ лежал на юноше, причём в крайне неудобной позе, прямо на уровне его живота.

Ещё немного ниже — и он оказался бы возле той самой деликатной зоны.

Задержавшись взглядом на этой области несколько секунд, Цзи Аньчэ вдруг почувствовал резкую боль в голове и поток воспоминаний, захлестнувший его сознание.

Усвоив запутанные фрагменты памяти прежнего владельца тела, Цзи Аньчэ наконец понял, что произошло.

Итак, он попал в книгу.

Стал тем самым «Цзи Аньчэ» из жестокой мелодрамы, которую только что читал. В романе Гу Ханьчжоу, пытаясь спасти оригинального Цзи Аньчэ, оказался втянут в школьную травлю, став жертвой издевательств и началом его трагической судьбы.

«Чёрт возьми, — мысленно выругался Цзи Аньчэ, — я только что чуть не отбил главному герою всё самое дорогое».

Какая неловкость.

Цзи Аньчэ, покраснев от смущения, так и не смог выдать из себя извинения.

Стараясь забыть этот конфуз, он оттолкнулся руками и встал.

Оглядевшись, он понял, что окружение полностью изменилось.

Не его знакомый дом, не стерильная больничная палата, а запылённый обветшалый склад.

Хулиганы с разноцветными волосами и железными прутьями окружили его кольцом, злобно уставившись в его сторону.

Цзи Аньчэ почувствовал себя словно в окружении сказочных гномов из детской книжки.

Вожак — подросток с сигаретой в зубах и жёлтыми волосами — выглядел омерзительно неряшливо.

Обменявшись с жёлтоволосым долгим взглядом, Цзи Аньчэ почувствовал неловкость ситуации. Он уже собирался дружелюбно поздороваться, когда к его ногам с грохотом упал металлический прут.

— Цзи Аньчэ, какого хрена ты тормозишь? — рявкнул жёлтоволосый. — Бери прут и избежь этого придурка, или сам огребёшь!

Цзи Аньчэ опустил взгляд и только сейчас заметил подростка, распластавшегося на цементном полу. Наконец-то он разглядел лицо главного героя.

Бледное, с красноватой кровью в уголке рта, с двумя-тремя страшными порезами на руках, в грязной от следов ботинок, некогда чистой школьной форме. Очевидно, его уже успели избить.

«Бедняга», — подумал Цзи Аньчэ.

Судя по ситуации, он оказался свидетелем школьного насилия. Жёлтоволоосый приказывал оригинальному Цзи Аньчэ сломать ноги главному герою металлической трубой.

Прежний Цзи Аньчэ, покорно послушавшись, уже направлялся выполнять приказ, но споткнулся и рухнул на главного героя.

А затем новая душа — нынешний Цзи Аньчэ — вселилась в тело, стукнувшись головой о тазовую кость главного героя и чуть не лишив его мужского достоинства.

Просто нелепость какая-то.

В этот момент жёлтоволоосый подошёл к лежащему на цементном полу худощавому юноше и с ухмылкой бросил:

— Ну как, отличник? Ты же так ненавидишь школьное насилие? А теперь тот, кого ты спас, сам тебя отделает. Каково это, а?

— Ты связался с нами, чтобы спасти его, — жёлтоволосый схватил худого парня за воротник. — Жалеешь теперь?

Лежащий на земле юноша смотрел на него бесстрастно, прямым взглядом своих чёрных глаз.

Гу Ханьчжоу сжал в рукаве канцелярский нож. Его бледное лицо только подчёркивало чернильную глубину глаз, напоминающих полированный обсидиан. Холод этого взгляда пробирал до мурашек.

Жёлтоволосый внезапно ощутил неясный страх.

Сглотнув, он небрежно отпустил воротник парня, притворяясь невозмутимым.

Жёлтоволосый жадно затянулся сигаретой и затушил малиновый окурок о землю.

Повернувшись, он злобно зыркнул на Цзи Аньчэ и заорал:

— Цзи Аньчэ, чего ты, блядь, стоишь?! Хочешь сам огрести вместо него?

Цзи Аньчэ с буддийским спокойствием и ровным голосом произнёс:

— Давайте поговорим по-хорошему. Драки портят отношения. Разве молодые люди не могут сесть, выпить чаю и обсудить свои разногласия? Гармония превыше всего.

Жёлтоволосый нетерпеливо оборвал его:

— Ещё одно слово, и я тебя прикончу, понял?!

Цзи Аньчэ не мог сдержать усмешки.

За все годы самодисциплины и воспитания давно никто не осмеливался говорить с ним в таком тоне.

Цзи Аньчэ поднял металлический прут и задумчиво покрутил в руке.

— Ты хочешь, чтобы я кого-то избил? — с лёгкой улыбкой спросил он.

Золотистые блики солнца танцевали на его фигуре. Белоснежная кожа, янтарные глаза с искрящимися отблесками, небрежно спадающие на лоб светло-каштановые волосы — всё создавало образ тёплого, солнечного юноши. Обычно с такой располагающей внешностью люди излучают дружелюбие, но сейчас от него исходила леденящая жестокость.

Жёлтоволосый на секунду замер. Прежний Цзи Аньчэ всегда был запуганным слабаком, никогда не проявлял такой яркой живости.

Нахмурившись, он заорал:

— Ты оглох?! Двигай туда, или мы займёмся тобой!

Цзи Аньчэ направился к жёлтоволосому, волоча металлический прут по цементу, который издавал зловещий скрежет.

Вдруг Цзи Аньчэ слегка сдвинул брови и отбросил прут в сторону.

— Какого хрена ты выбросил трубу? Я приказал тебе сломать ему ноги, ты не понял?

Жёлтоволосый, решив, что Цзи Аньчэ струсил в последний момент, оскалился в злорадной усмешке:

— Если тебе жалко Гу Ханьчжоу, можешь получить вместо него.

— Я выбросил трубу, потому что... — Цзи Аньчэ с еле заметной усмешкой шагнул к жёлтоволосому, тихо добавив: — Разве с такими, как вы, недостаточно просто голых рук?

— Чего?! — Жёлтоволосый смутно почувствовал издёвку. — Ты зачем ко мне идёшь?

Уголки губ Цзи Аньчэ приподнялись в лёгкой улыбке. Тонем, каким обычно предлагают одноклассникам сделать домашнее задание, разминая запястья, он спокойно ответил:

— Бить тебя, конечно.

— Ты что, решил взбунтоваться... — Жёлтоволокый не успел закончить фразу.

Его воротник резко дёрнулся вверх, а в лицо ударил сокрушительный кулак.

Острая боль пронзила переносицу, горячая жидкость хлынула из ноздрей. Зажимая кровоточащий нос, жёлтоволокый в шоке вытаращил глаза.

Мучительная боль пронзила нервные окончания, достигая мозга, окружающий мир подёрнулся туманом. Жёлтоволокый, пошатываясь, пытался устоять на ногах и нагнулся за отброшенной трубой.

Цзи Аньчэ безжалостно пнул его под зад.

Жёлтоволокый, пролетев несколько шагов, растянулся на земле, словно мешок с дерьмом. Корчась от боли, он завыл:

— Цзи Аньчэ, ты рехнулся?! Ты посмел меня ударить?!

Цзи Аньчэ холодно приподнял веки и с лёгкой усмешкой произнёс:

— Да, ударил. Имеешь что-то против?

Жёлтоволоосый, валяясь на земле и подвывая, скомандовал своим приспешникам:

— Чего стоите, придурки?! Отделайте его!

Пять-шесть окруживших хулиганов, словно очнувшись от сна, кинулись на Цзи Аньчэ с металлическими прутьями.

Цзи Аньчэ чётко и решительно опрокинул нападавших, его правый кулак выписал идеальный хук, раскидав мелких бандитов, как осенние листья.

От детского сада до университета в драках Цзи Аньчэ не знал равных. В детстве его похищали, и с тех пор семья настояла, чтобы он изучал боевые искусства. Школьные хулиганы и в подмётки ему не годились.

Не прошло и пяти минут, как жёлтоволоосый вместе со своими прихвостнями уже корчился на земле, воя от боли.

Цзи Аньчэ неторопливо направился к жёлтоволосому.

Тот, прислонившись к стене, тяжело дышал. Расширенными от ужаса глазами он смотрел на юношу, чьи губы изогнулись в холодной улыбке.

— Не подходи! — дрожащим голосом взмолился жёлтоволосый, пытаясь отползти. — Ты не Цзи Аньчэ! Кто ты, чёрт возьми?!

Прежний Цзи Аньчэ был слабаком, никогда не сопротивлялся. Если бы он умел так драться, разве позволил бы издеваться над собой целый семестр?

В следующий момент жёлтоволосый ощутил, как его волосы с силой дёрнули вверх. Кожа головы взорвалась болью, когда юноша с размаху впечатал его голову в стену.

Висок пронзила острая агония.

Ярко-алая кровь расплылась по белоснежной стене.

В последний миг перед потерей сознания жёлтоволосый услышал ледяной голос:

— Я твой отец.

<http://bllate.org/book/13392/1191828>